

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, М.М. Леонов*

РУССКИЙ ИСТОРИК: ОТ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА ДО НЫНЕШНИХ ДНЕЙ

— Михаил Иванович, к юбилейным датам принято подводить итоги прожитого и пережитого. Несомненно, ваш жизненный опыт, путь в науку, радости и печали, победы и трудности интересны и поучительны. Формирование личности начинается в семье, в детские годы. Ваше детство пришлось на военное время. Трудно жилось?

— Да, отца взяли в армию, когда мне не было еще и года. Он был убит на Курской дуге. А нас у матери осталось четверо. Старшему в 1941 году было 14 лет. Естественно, нужда была запредельная. Тогда все так жили, точнее говоря, многие. Кусок хлеба был радостью, а кусок хлеба, посыпанный сахаром — счастьем.

— Село Аксарка было населено русскими или там жили также представители коренных северных народов?

— Разные национальности. У нас в классе был один хант. Это уже были оседлые, ассимилированные ханты. Мне довелось общаться также с кочующими, или, как говорили на севере, «кослающими» хантами-оленьеводами. Зимой они шли от океана на юг, поскольку холодно, снег большой, а олень — он ягель ест. А с весны шли обратно. К слову, когда говорят о передовых и отсталых народах, это противоречит моим представлениям. Наблюдая хантов, нанайцев и ульчей, я видел, как они добры, расположены ко всем, даже совершенно незнакомым, готовы прийти на помощь, приютить.

— Как складывалась жизнь после школы?

— Я окончил школу лучшим в классе, но сразу учиться не поехал, просто потому, что средств не было. Мать одна кормила нас всех. Надо было устраиваться на работу. Буквально через несколько дней по окончании школы мне предложили зайти в районный отдел народного образования. Им руководил наш бывший директор М.А. Баев. Он сказал, что нужен человек для ликвидации неграмотности и малограмотности у коренных народов. Я согласился, и меня направили в рыбацкую бригаду. На Севере это место называлось «песок». В большом бараке с нарами там жили ханты-рыбаки и я среди них. Ловили рыбу, ставили переметы на налима. Там я провел два месяца. По-

*© Кабытова Н.Н. — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

© Леонов М.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

© Леонов М.М. — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Самарской академии государственного и муниципального управления, 2010

сле этого нас направили в другое место, где были ханты и русские. Извечная картина: когда по соседству живут несколько этносов, это не значит, что они взаимопроникаемы. Каждый народ жил сам по себе, отдельным миром. Ханты отличались и одеждой, и бытом. Жили в разных домах и практически не общались. Я был единственным, кто контактировал с обоими мирами. Занимался с хантами, учил их письму и чтению. Затем меня направили работать в школу-интернат воспитателем. Туда собирали детишек хантов из «кослающего» племени. Я стал свидетелем любопытных с этнографической точки зрения сцен. Взрослые ханты привязывали оленя и перерезали ему горло, а детишки бежали с кружками, пили кровь. В сущности, это у них повседневное событие. Но для русского, со стороны, это выглядело необычно.

— Почему вы решили поступать в МГУ, где наверняка был высокий конкурс?

— Трудно сказать. Мысль пришла сама собой. Я знал, что это хороший, известный университет. Никаких прагматических замыслов не было. По приезде в МГУ я подал сначала заявление на юридический факультет, но оказалось, что здоровье не позволяет, сердце плохое. Поэтому я решил поступать на исторический. Это был 1960-й год. Тогда действовал «хрушевский закон», по которому 80 % поступавших на гуманитарные дисциплины должны были иметь стаж работы не менее двух лет, остальные 20 % шли как «школьники». Конкурс среди «школьников» был значительно выше, 13–14 человек на место. Профилирующие экзамены я сдал на пятерки. У меня была трудовая книжка и необходимый стаж, но случилась накладка, и я был зачислен как «школьник». Такие студенты первый год учились заочно, а потом их переводили на дневное отделение. Сначала это меня обескуражило. Я обратился к заместителю декана, подтвердил документами свой стаж. Он признал мою правоту и разрешил ходить на занятия с дневным отделением, но предупредил, что первый семестр я не буду получать стипендию, поскольку приказ о зачислении уже был издан.

— Как вы вышли из положения?

— Жить в Москве эти полгода мне было не на что, и я уехал в Алапаевск. Под Алапаевском у меня жила сестра. Там я устроился на работу в школу рабочей молодежи № 1. Она была ориентирована на рабочих Алапаевского металлургического комбината, на тех, кто не имел начального образования. У меня был опыт работы с такими людьми, ведь я начал трудовую деятельность ликвидатором неграмотности. Руководство комбината всячески поощряло рабочих к посещению школы. Директор должен был отчитываться, что его подчиненные учатся. Мне выписали пропуск на комбинат, и, пожалуй, много позднее я не имел такого легкого доступа ко всем начальникам. Стоило прийти, как меня вели к главному инженеру, начальнику цеха, и все были очень любезны. Проработав там весь первый семестр, я создал класс, в котором был самым молодым. Учились дружно, вместе ходили в кино. Когда я после первой сессии приехал увольняться, ученики плакали. После меня пришла другая учительница, но она была занята семьей, и отношения с классом у нее были прохладные.

— **Расскажите о своих студенческих годах. Как был решен вопрос с переводом на дневное отделение?**

— Я сдал экзамены первой зимней сессии в МГУ и пошел к замдекану К.Г. Левыкину. Он сказал, что мне придется учиться на очно-заочной форме весь год. Тогда я обратился к декану И.А. Федосову, который распорядился, чтобы меня перевели на дневное отделение со второго семестра. На втором курсе я пришел к профессору Е.Д. Черменскому с идеей писать о партии эсеров. Поскольку я был одним из первых, кто занимался этой темой по-настоящему, я сразу пошел в музей книги, получил разрешение пользоваться литературой спецфонда. С третьего курса стал постоянным посетителем спецхрана на четвертом этаже библиотеки имени Ленина. Работать было удобно, книги, журналы, газеты приносили через 15 минут, в большом количестве. Дипломное сочинение получилось неплохим, все хвалили. На защите диплома у меня было два оппонента, В.Я. Лаверычев и Л.Г. Захарова, словно я защищал кандидатскую. Председателем комиссии был В.А. Федоров.

— **Вы были кандидатом в мастера спорта по шахматам. Когда вы начали играть?**

— Еще в школе, хотя там это слабо было поставлено. Достойным противником был только наш историк, М.А. Баев, у него был второй разряд. Мы как-то организовали турнир, я занял первое место, он – второе. Мы с ним оторвались от всех на огромное количество очков. Потом, когда работал у хантов, играть было не с кем. А вот когда приехал в МГУ, попал в состав факультетской команды. Играл вместе с Юрой Разуваевым, который позднее стал гроссмейстером. Там я выполнил 1-й разряд, набрал кандидатские баллы... Позже играл эпизодически, на рубеже 1970-80-х годов, уже в Куйбышеве.

— **Когда вы поступили в аспирантуру и как выбрали тему диссертации?**

— Я окончил МГУ с отличием в 1965, был среди лучших студентов курса, но аспирантом стал не сразу. В те годы существовало правило, что выпускники должны уезжать по распределению, работать три года. Меня распределили в Хабаровский политехнический институт. Вообще-то у меня была рекомендация ученого совета для поступления в аспирантуру, и я мог рассчитывать на открепление. Я зашел к заместителю декана по науке Ю.С. Кукушкину (будущему академику) и попросил помочь. Кукушкин обещал решить вопрос в министерстве, но через неделю развел руками: ничего не вышло. Поэтому я поехал в Хабаровск, работал три года на кафедре истории КПСС. Это был молодой вуз. Новое, хорошее здание, прекрасные условия для занятий. Учились в одну смену. Преподавательские кадры были собраны из разных городов. Нас, выпускников МГУ, на кафедре в Хабаровске было очень много, восемь человек. Позже, из Хабаровска, я написал Е.Д. Черменскому письмо, где изложил свои намерения продолжить разработку истории партии социалистов-революционеров, и в 1968 году поступил к нему в аспирантуру.

— Вы учились на историческом факультете, затем работали на кафедре истории КПСС, но не вступили в партию. Почему?

— Верно. Я был марксистом, но не был членом КПСС. У нас на курсе было много взрослых людей, среди них несколько партийных. Они выделялись деловой хваткой, прагматизмом. До поступления в МГУ они работали по пять-шесть лет, из-за большого перерыва после школы по уровню знаний они уступали остальным, зато вели общественную работу. Когда я преподавал в Хабаровске, мне предложили вступить в КПСС. Назвали людей, готовых дать рекомендацию. Но я уклонился от этого предложения, и мое место быстро занял другой. Тем не менее в ту пору я совершал много дел, которые можно считать общественными. Я ездил читать лекции по международному положению, побывал в тех краях, где добывают золото, где заканчивается узкоколейная дорога... В самом политехническом институте я сотрудничал в редакции газеты, постоянно занимался со студентами, организовал шахматную команду, шахматную комнату.

— Как вы оказались в Куйбышеве и когда завершили работу над кандидатской диссертацией?

— В Куйбышеве открылся университет, остро нуждавшийся в преподавателях. С мая 1972 года я пришел читать лекции на первом и втором курсе. Уже со следующей осени я читал весь курс истории России XIX – начала XX веков, отдельные разделы историографии и источниковедения, спецкурс, вел семинарские занятия. Каждую неделю, оба семестра. Первый год работы здесь я был сосредоточен только на преподавании. Требовалось составить огромный лекционный курс, 140 часов лекций. Я очень ответственный человек, не мог работать спустя рукава. Кандидатскую диссертацию я защитил в МГУ только в 1975 году. Тогда ввели закон, что диссертация должна быть не больше 195 страниц. У меня сначала получилось больше, на сокращение тоже ушло время.

— Как складывались отношения с преподавателями кафедры?

— Я не конфликтный по своей природе человек. Кафедрой заведовал профессор Ефрем Игнатьевич Медведев. Когда я приехал, ему было 69 лет. Меня с ним связывали теплые, хорошие отношения. Когда я защищал кандидатскую, он находился в Москве, пришел на заседание и с присущим ему юмором сказал: «У нас Михаил Иванович – «бригадир». Всюду ездит, куда пошлют». Я был у Медведева заместителем, вел всю документацию по кафедре. Ефрем Игнатьевич был человеком с большой природной одаренностью, пользовался уважением, любил поговорить, но не хотел заниматься бумажными делами. Как человек крестьянской закалки, деликатный, старался как-то компенсировать мои усилия по бумажному делу, поэтому освободил меня от кураторства и всяких мелких поручений. Затем приехал Федор Андрианович Каревский. Он немножко сторонился всех на кафедре, но деловые отношения у нас были хорошие. Также у нас работали молодые, общительные Геннадий Афанасьевич Широков, Галина Ивановна Матвеева. Потом приехал Петр Серафимович Кабытов, мы дружили с ним домами, ходили в гости.

Он написал об этом в своих мемуарах. Надежда Николаевна Кабытова стала работать на кафедре чуть позже, с осени 1972 года. Позднее в коллектив кафедры органично включились П.И. Савельев и Ю.Н. Смирнов.

— **Между защитами двух диссертаций прошло двадцать лет.**

— Да, кандидатскую я защитил в декабре 1975 года, а докторскую – в декабре 1995-го. Тема, которую я избрал, и усердие, с которым я занимался, потребовали времени. Надо сказать, что моя тема вызывала настороженность у функционеров. Я помню, в 1984 году во Владимире прошла конференция по Морозовской стачке, собирали материалы для сборника. Моя статья «Эсеры и рабочее движение в Центрально-промышленном районе» вызывала опасения. Обсуждение текста шло под лозунгом «как бы чего не вышло». Редколлегия настаивала на использовании в заголовке ярлыков «кризис эсеров», «антирабочая организация эсеров» и т. д. Не всякую статью удавалось напечатать. Но я полагал, что я должен заниматься этим делом, мне это было интересно. Может, я исследовал тему слишком кропотливо. В 1985 году я выступал на конференции в Казани, написал статью. Ее отругали, как слишком острую. Позже я опубликовал ее в Самаре, а в 1992 году Л.Г. Захарова и другие исследователи провели специальное обсуждение этой работы и единодушно признали, что она по-новому ставит целый ряд вопросов. В 1988-м я получил годичную стажировку в Москве, в Институте истории. Я выступил там с докладом о тактике партии эсеров. Письменный текст доклада занимал семь печатных листов. К тому времени сложились основные параметры диссертации, знакомые побуждали защищаться. Начались 1990-е. В Москве, да и у нас на факультете проходили семинары. В Институте марксизма-ленинизма я, беспартийный, выступил с пленарным докладом «Пролетарский и крестьянский социализм». Подчеркну: для меня это была не смена декораций, а глубокое переосмысление темы. В 1994 году я занялся написанием текста диссертации, работа шла быстро, и в декабре 1995-го я защитил ее в Москве.

— **Какие из публикаций того времени вам особенно памятны?**

— В 1983-м мы с коллегами в Институте истории решили написать книжку «Политические партии России. Количественный анализ». Это было интересно, мы взяли 5 основных политических партий. Прежде исследователи не затрагивали количественных характеристик. Книжка трудно шла в издательстве, встречала сопротивление. Но в конечном счете публикация имела шумный успех. Историки-профессионалы встретили ее очень тепло, часто цитировали. Тогда же мы написали несколько статей по историографии, они были опубликованы в журналах «Вопросы истории» и «История СССР». Хорошие были статьи, надо сказать.

— **Над чем вы работаете сейчас?**

— Помимо глав в коллективных монографиях, я написал 3 книги и сейчас работаю над четвертой. Большая ее часть уже написана. Мне думается, очень

важно увидеть, что представляли собой социалисты в России, что представлял собой социализм. Важно понять, как эта вера воздействовала на людей, что они считали возможным, когда проникались этой верой. Предметом исследования станут террор, призыв к ниспровержению строя, девиз «Цель оправдывает средства». У нас эти сюжеты мало проанализированы. Мы еще недалеко отошли от той эпохи. Есть несколько вещей о социализме, например, «Социализм как явление мировой истории» И.Р. Шафаревича. Это хорошая книга, но она ставит вопросы не так, как их поставил и решил бы историк.

– Расскажите о ваших учениках.

– У нынешних студентов есть интерес к теме террора. Я отговариваю своих учеников от этой темы. Она требует большой подготовки, скрупулезных архивных разысканий. К тому же это тонкая работа. Важно выяснить для себя, что представляли собой террористы – убийцы, в сущности. Несколько человек, принимавшихся за эту тему, не сумели ее должным образом раскрыть. Своим первым аспирантам я предлагал темы по истории партий эсеров, энесов. Впоследствии К.Н. Морозов защитил докторскую диссертацию в Москве, уже не под моим руководством; А.В. Сыпченко защитила докторскую диссертацию под руководством Петра Серафимовича Кабытова. Мне приятно сознавать, что среди моих дипломантов есть люди, которые теперь занимают видное место среди самарских историков: Ю.П. Аншаков, Л.М. Артамонова. За эти годы у меня было много толковых учеников.

– Так сложилось, что от историков общество ждет объяснения прошлого, оценки настоящего, прогнозов на будущее. Как вы ответите на эти вызовы?

– Почти сто лет тому назад распалась связь времен. В июне 1917 года С.Ф. Платонов завершил последнюю редакцию своего учебника по истории для гимназий словами: «Господи, спаси и сохрани Россию!» Время после 1917 года свидетельствует, как трудно пришлось стране. И не случайно сегодня на ум приходят слова великого историка.